

УДК 94(33)+94(495).01

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-578-591

EDN DFMPPU

Оригинальное исследование

К вопросу о причинах и факторах экономического развития Палестины в ранневизантийский период: проблемы реконструкции

Мишнев С.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: 1394191@bsuedu.ru

Аннотация. Статья предлагает взгляд на общую модель развития экономики палестинского региона в византийскую эпоху (IV–VII вв.). Обобщающая реконструкция модели развития проводится через синтез климатических, археологических и социально-экономических данных на основе междисциплинарного подхода. В основной части работы автор попутно анализирует конкурирующие исторические концепции развития византийской Палестины (модель Э. Хантингтона, теория Д. Бара и др.), показывая, что процветание региона стало результатом комплексного взаимовлияния климатического оптимума в позднеантичную эпоху, специфики развития государственной производственной инфраструктуры, специфических демографических явлений и экономического сдвига в средиземноморской торговле. Особое внимание уделено многочисленным климатическим, а также внутри- и внешнеполитическим «вызовам» (по А. Тойнби), которые стали причиной коллапса устоявшейся экономической модели в VII в. Автор особо подчёркивает сложность взаимодействия природных и антропогенных факторов в развитии византийской экономики на региональном уровне, а также обращает внимание на последовательный отказ историков и археологов от монокаузальной модели ранневизантийского развития данного региона.

Ключевые слова: Византийская Палестина, экономика, климатические изменения, торговые сети, сельскохозяйственные инновации, археология, междисциплинарный анализ

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Мишнев С.Н. 2025. К вопросу о причинах и факторах экономического развития Палестины в ранневизантийский период: проблемы реконструкции. *Via in tempore. История. Политология*. 52(3): 578–591. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-578-591. EDN: DFMPPU

To the Issue of Causes and Factors of Palestine's Economic Development in the Early Byzantine Period: Problems of Reconstruction

Sergey N. Mishnev

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1394191@bsuedu.ru

Abstract. The article offers a view on the general model of economic development of the Palestinian region in the Byzantine era (4th to 7th centuries A.D.). A general reconstruction of the development model is carried out through a synthesis of climatic, archaeological, and socio-economic data based on an interdisciplinary approach. In the main part of the work, the author also analyzes competing historical concepts of the

development of Byzantine Palestine (E. Huntington's model, D. Bar's theory, etc.), showing that the prosperity of the region was the result of a complex interaction between the climatic optimum, that took place in the late antique era, specificity of the state production infrastructure, specific demographic phenomena, and the economic shift that took place in the Mediterranean trade. Particular attention is paid to numerous climatic, as well as domestic and foreign policy «challenges», according to A. Toynbee, which caused the collapse of the established economic model in the 7th century. The author particularly emphasizes the complexity of the interaction between natural and anthropogenic factors in the development of the Byzantine economy at the regional level and draws attention to the successive rejection by historians and archaeologists of the monocausal model of the region's development in the early Byzantine period.

Keywords: Byzantine Palestine, economy, climate change, trade networks, agricultural innovations, archaeology, interdisciplinary analysis

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Mishnev S.N. 2025. To the Issue of Causes and Factors of Palestine's Economic Development in the Early Byzantine Period: Problems of Reconstruction. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 578–591 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-578-591. EDN: DFMPPU

Введение

В позднеантичную эпоху восточные провинции Римской империи подчас по-разному отвечали на экономические, внешне- и внутривосточные, религиозные и иные «вызовы» времени. Такой регион, как Палестина, представлявший собой относительно нестабильную с политической точки зрения часть Ранней Византии, одновременно демонстрировал успешную (разумеется, для ранних этапов этого государства-цивилизации) модель развития, функционировавшую вплоть до арабского завоевания и отразившуюся в специфике функционирования ряда отдельных поселений и таких обширных поселенческих комплексов, как, например, поселения пустыни Негев [Kennedy, 2008, p. 604].

Тем не менее с начала XX в. в византистике не прекращаются дискуссии, связанные с вопросом о специфике развития региона в данный период. Исследователи справедливо отмечают, что религиозные, климатические, внешнеполитические и производственно-технологические факторы оказывали на этот регион разнонаправленное и сложное влияние. В данной работе мы сочли необходимым охарактеризовать специфику дискуссий, проведённых и проводимых в исторической науке по вопросу реконструкции модели развития. Анализ разнообразных данных о развитии торговых сетей, инфраструктуры, системы государственной поддержки региона и т. д., а также социально-демографической и климатологической стороны вопроса позволит более подробно охарактеризовать специфику развития региональной экономической модели в ранневизантийскую эпоху.

Объект и методы исследования

В рамках выбранной нами темы *объектом* исследования следует считать Восточное Средиземноморье в изучаемый период, тогда как *предметом* исследования являются специфика и факторы экономического развития Палестины в ранневизантийскую эпоху. Таким образом, в поставленном исследовании нами выбраны хронологические рамки, ограниченные IV–VII вв., когда очередная фаза климатических изменений в регионе в целом сочеталась с устойчивым экономическим ростом.

Для решения поставленной проблемы мы сочли необходимым использовать ряд подходов и специальных методов исторического исследования. Прежде всего, речь идёт о применении *междисциплинарного подхода*, который, на наш взгляд, позволит эффективно использовать комплексные сведения из истории, археологии, палеоклиматологии и экономики представленного региона. Именно это позволит воспользоваться методами естественнонаучных дисциплин для достижения необходимого результата. Применение *историко-генетического*

метода важно с целью как реконструкции модели экономического развития Палестины на определённом хронологическом промежутке (с IV по VII вв.), так и понимания логики развития историографической дискуссии по данному вопросу на протяжении XX – нач. XXI вв. В силу обширности представленного предмета исследования мы сочли уместным применить и методику *case studies*, дабы сконцентрироваться на наиболее характерных локальных чертах экономического развития Палестины на уровне отдельных поселений (Аскалон, Гераса и др.) Применение данных методов вкупе с общенаучными методами исследования (анализом и синтезом, сравнением и т. д.), на наш взгляд, позволит решить поставленные задачи.

Результаты и их обсуждение

Экономика Палестины в ранневизантийскую эпоху (IV–VII вв.) представляла собой динамичную и многогранную систему, сформированную в результате синтеза ряда экологических, политических и социально-экономических факторов. В данной работе мы считаем необходимым проанализировать экономическую эффективность и жизнеспособность региона в данный период на основе данных о климатических колебаниях в данный период, а также о региональном развитии сельскохозяйственных инноваций и торговых сетей в контексте внутри- и внешнеполитической ситуации в период поздней Империи.

Дебаты о климатических изменениях в древней Палестине представляют собой давно открытую в исторической и географической науке дискуссию. Одним из её инициаторов был американский историк Эллсворт Хантингтон, чья трёхчастная статья «Климат древней Палестины» (1908), опубликованная в Бюллетене Американского географического общества, представила систематически проанализированные аргументы, касавшиеся природы климатических колебаний в регионе [Huntington, 1908a, p. 514].

Свою работу Хантингтон начал с характеристики основных положений четырёх основных гипотез относительно климатических изменений в Палестине, утвердившихся в антиковедении на начало XX в., – т. н. «гипотезы *однородности*» (позиция, согласно которой климат Палестины оставался по существу неизменным на протяжении всей истории, с небольшими циклическими изменениями), «гипотезы *обезлесения*» (позиция, приписывающая воспринимаемые климатические изменения антропогенным экологическим факторам – в частности, уничтожению лесов, что якобы уменьшило количество осадков), «гипотезы *прогрессировавших изменений*» (модель, предполагавшая постепенный сдвиг в сторону засушливости с течением времени, возможно, связанный с более сложными и длительными геологическими или климатическими тенденциями) и, наконец, «гипотезы *пульсирующих изменений*». Последняя выражала собственное заключение Хантингтона, который объединил элементы других гипотез и высказал мнение о том, что циклические колебания связаны с общей тенденцией к увеличению засушливости.

Нетрудно догадаться, что Хантингтон подверг критике первые три гипотезы за их методологическую и, как следствие, содержательную ограниченность. Гипотеза однородности, привлекательная своей простотой, не учитывала, по мнению историка, существенные исторические и археологические свидетельства, отразившие изменения окружающей среды. Гипотеза обезлесения, достаточно популярная среди путешественников тех лет и некоторых ученых, склонна к переоценке влияния лесов на количество осадков и недооценивает роль естественной изменчивости климата. Гипотеза прогрессивных изменений, даже будучи подкреплена геологическими свидетельствами, с трудом объясняет периоды видимой стабильности или улучшения климатических условий в исторические времена [Huntington, 1908a, p. 517–518].

Отстаиваемая Хантингтоном теория «пульсирующих изменений» признавала как циклические изменения климата от лучших условий к худшим, так и долгосрочную тенденцию к аридизации. Он основывал её на нескольких линиях доказательств. Прежде всего, исследователь обратил внимание на тот факт, что древние источники (в т. ч. новозаветные тексты) описывали Палестину более густонаселённой и продуктивной в сельскохозяйственном

отношении, чем в текущую эпоху. Хотя некоторые приписывают этот спад внутри- и внешнеполитическим коллизиям позднеантичной истории, Хантингтон показал, что ухудшение климата даёт более правдоподобное объяснение столь широко распространённому и устойчивому сокращению населения и производительности труда позднеантичной Палестины [Huntington, 1908a, p. 518–519].

Отдельное внимание учёный уделил феномену обезлесения. Хотя он признавал, что лесные угодья, вероятно, были более обширными в древности на Ближнем Востоке [Huntington, 1908b, p. 580], он оспорил идею о том, что их массовая вырубка сама по себе может объяснить климатические изменения [Huntington, 1908c, p. 649]. Вместо этого он предполагал, что вырубка лесов была лишь *симптомом* более широких экологических сдвигов, а не их причиной.

Кроме того, исследователь призывал не забывать, что такие регионы, как Синай и Сирийская пустыня, в описываемое время непроходимые из-за засушливости, когда-то пересекались большими караванами и армиями. Очевидно, что такая мобильность была бы невозможна в современных климатических условиях. А наличие в пустынных регионах массы покинутых памятников, содержащих инфраструктуру для ирригации или вообще водоснабжения, предполагает, что эти регионы когда-то поддерживали большее население, что подразумевает большую доступность воды.

В отличие от модели Э. Хантингтона, статья Дж. У. Грегори «Палестина и стабильность климата в исторические времена» представляет собой апологию климатической непрерывности. Работа Грегори систематически оспаривает представление о том, что Палестина претерпевала значительные климатические изменения в течение исторических периодов, и связывает её экологические и демографические преобразования исключительно с антропогенным воздействием.

Грегори начинает с признания резкого контраста между древними описаниями Палестины как плодородной, густонаселенной земли и её современной репутацией засушливого региона. Хотя такие учёные, как Хантингтон, утверждают, что этот спад отражал постепенное сокращение количества осадков, Грегори присоединяется к большинству современных авторитетов, которые отвергают эту точку зрения. Он подчеркивает, что Библия и другие древние источники описывают климат, поразительно похожий на современный, с повторяющимися засухами и зависимостью от зимних дождей. Например, библейские рассказы о голоде в эпоху Авраама, Иакова и Руфи подчёркивают постоянную изменчивость количества осадков, а не долгосрочный сдвиг в сторону засушливости.

Одно из ключевых критических замечаний Грегори направлено на зависимость Хантингтона от оценок численности населения. Библейские цифры (в частности, упомянутые в книге Чисел 600 тыс. солдат-израильтян) подразумевали, по мнению Грегори, общую численность населения более 2 млн чел. – число, которое Грегори отвергает как преувеличенное. Грегори сравнивал его с явно невероятным утверждением Иосифа Флавия о том, что во время римской осады Иерусалима погибло более 1 млн чел. Более правдоподобными, утверждает он, являются ассирийские записи, предполагающие численность населения от 500 тыс. до 1 млн чел. для всей древней Иудеи, что примерно сопоставимо с Палестиной начала XX в. Грегори считал, что такое население могло поддерживаться при существующих климатических условиях, особенно при достаточно эффективном управлении водными ресурсами.

Историографические дискуссии о заброшенных городах, таких как иорданские Гераса (Джераш) и Петра, как бы олицетворяют методологические расхождения между двумя учёными. Хантингтон приводил в пример эти поселения как свидетельство более влажного прошлого, указывая на их некогда процветающее население и сложные водные системы. Однако Грегори интерпретировал те же доказательства по-другому. В частности, он обращал самое пристальное внимание на римские водохранилища и цистерны в Герасе, способные хранить миллионы галлонов воды, как доказательство того, что её упадок был вызван

политическим крахом (например, физическим отступлением римской власти из региона на фоне конфронтации с аравийскими племенами или с персидскими оппонентами), а не ухудшением климата [Gregory, 1930, p. 490–491]. Аналогичным образом, утверждает он, и процветание Петры было обусловлено ее стратегическим положением на торговых путях и изобретательностью местных архитекторов и инженеров в сохранении воды, а не более благоприятным климатом. Историко-инженерные исследования А. Кеннеди, посвященные цистернам и акведукам Петры, подкрепили позицию Дж. Грегори; Кеннеди считал, что механизмы водоснабжения города были спроектированы с расчётом на систематическое противостояние засухе.

Грегори, кроме того, резко высказался против обезлесения, сославшись на лингвистический анализ, проведённый в работе библеиста Дж. А. Смита: библейские ссылки на «леса», вероятно, обозначали кустарники или лесистую местность, а не густой лесной покров [Gregory, 1930, p. 492–493]. Он также отметил, что многие районы Палестины, такие как район горы Кармель, в наше время снова заросли, что явно противоречит мнению о необратимости опустынивания.

Стабильность флоры и фауны Палестины, напротив, даёт тезисам Грегори дополнительную поддержку. Например, стабильность среднего уровня температуры может быть подтверждена тем фактом, что финиковые пальмы так и не распространились в библейских высокогорьях (что должно было бы произойти в случае, если бы климат стал существенно суше), а выращивание винограда сконцентрировалось на протяжении тысячелетий в одних и тех же районах Палестины.

Краеугольным камнем аргумента Грегори стали и геологические свидетельства. Исследования М. Бланкенхорна относят отступление пресноводного озера эпохи плейстоцена в долине реки Иордан к десяткам тысяч лет до письменной истории, а современные засушливые условия установились примерно 10 тыс. лет до н. э. [Blanckenhorn, 1912, S. 427]. Аналогичным образом расчёты У. Ирвина, основанные на исследованиях солёности Мёртвого моря, предполагали, что его нынешнее состояние стабилизировалось около 50 тыс. лет назад, т. е. намного раньше постоянного расселения людей здесь. Грегори приходит к выводу, что климат Палестины оставался *«по существу консервативным»* на протяжении всего голоцена вплоть до XX в., пусть и с небольшими колебаниями [Gregory, 1930, p. 493–494].

Дискуссия была продолжена в 1950-е гг. Одним из её инициаторов стал израильский историк Микаэль Ави-Йона, изложивший свои соображения по поводу представленной проблемы в кратком докладе «Экономика Византийской Палестины». В частности, именно Ави-Йона, помимо прочего, предложил отказаться от узконаправленного подхода, согласно которому Палестину в византийскую эпоху следует рассматривать лишь в контексте церковно-исторических текстов и развития христианства. Надо заметить, что подобный подход был достаточно непопулярен в рассматриваемый период, и, как отмечает С. Кингсли, вплоть до 1980-х гг. основным объектом исследований здесь оставались памятники церковной архитектуры и вообще христианское наследие ранневизантийского периода [Kingsley, 2001, p. 44].

Вторым достижением Ави-Йоны была попытка радикально переосмыслить модель позднеантичного экономического упадка, который якобы затронул и Палестину. В ходе критики такой модели М. Ави-Йона указал на то, что подлинная экономическая перспектива (или, если угодно, ретроспектива) развития может быть рассмотрена исключительно через призму археологических исследований – анализа плотности поселений, существовавших в ранневизантийский период, площади обрабатываемых земель и т. д. В частности, историк пришёл к выводу, что именно период с IV до VI–VII вв. являлся пиковым для сельскохозяйственного производства и материального развития Палестины на протяжении всей древней истории. Ави-Йона также одним из первых обратил внимание на то, что засушливая к середине XX в. пустыня Негев в позднеантичный период была заселена, а некоторые её поселения – такие, как Элуса или Нессана, – демонстрировали удивительный

сельскохозяйственный «бум», обеспеченный сложными системами водоснабжения и хозяйственного администрирования [Avi-Yonah, 1958, p. 40].

Кроме того, исследователь предложил модель, согласно которой Палестина в позднеантичную (ранневизантийскую) эпоху испытала, если выражаться в терминах современного экономического анализа, несколько «волн» притока капитала (не только финансового, но и человеческого):

- 1-я половина – середина IV в. – масштабные инвестиции при Константине и его преемниках, отмеченные императорскими пожертвованиями на строительство церквей и инфраструктуры в «колыбели» христианства, что стимулировало местную занятость и торговлю;

- конец IV – начало V вв. – частные инвестиции богатых людей, особенно римских аристократов, спасавшихся от нашествий готов и вандалов, а также инвестиции «человеческого капитала» (в частности, стоит заметить, что такие известные христианские подвижники, как Мелания Старшая и Павла Вифлеемская, вложили своё богатство в монастыри и благотворительные учреждения, что также стимулировало местную экономику [Kennedy, 2008, p. 607]);

- 2-я – 3-я четверти VI в. – реализация крупномасштабных (хотя и менее масштабных, чем в предыдущие периоды) инфраструктурных проектов при Юстиниане I (ремонт источников, мостов и гаваней) [Avi-Yonah, 1958, p. 41].

Ави-Йона, однако, подчеркнул неоднозначное влияние этих процессов. С одной стороны, именно они «подпитывали» строительство, становились причиной расширения сельскохозяйственного производства и поддерживали стабильный рост населения. Например, именно в этот период палестинское оливковое масло и вино стали экспортными товарами, а местные ремёсла, такие как ювелирное дело в Иерусалиме, процветали. В то же время отрицательные последствия этого явления были не менее значительными, поскольку крупная часть такого капитала направлялась в «непродуктивные» предприятия, такие как роскошные церковные здания и монастырские пожертвования, которые не создавали устойчивого экономического роста. Благотворительные программы, хотя и похвальные с моральной точки зрения, привлекали нищих и препятствовали производительному труду, делая местный эвергетизм весьма расточительным занятием.

Концентрация богатства в руках духовенства и монастырских учреждений, подчёркивал М. Ави-Йона, также значительно деформировала экономику [Avi-Yonah, 1958, p. 47]. Церковные поместья накапливали огромные земельные владения, часто за счёт мелких фермеров, и даже гражданские споры по поводу церковной собственности в этот период были обычным явлением. Также отмечалось, что в то время, как административная эффективность и правовые рамки византийского государства (например, законы *agri deserti*) позволяли эксплуатировать маргинальные земли, зависимость от внешнего капитала делала местное экономическое развитие уязвимым. По этой причине историк связывал упадок региона именно с окончанием правления Юстиниана, когда поток средств, направляемых в регион, уменьшился, и искусственное процветание попросту рухнуло.

В дальнейшем (в основном с конца XX в.) исследователи обращались к исследованию более специфических аспектов развития палестинской экономики в данный период, в т. ч. к производству керамики. В целом в данный период происходит массовое обращение исследователей к археологическим данным: именно такие области Восточного Средиземноморья, как Палестина и Сирия, стали обширнейшим источником данных такого рода, что, в частности, резко контрастировало с археологической «ценностью» многих памятников Малой Азии в византийскую эпоху [Decker, 2007, p. 239].

Ценную информацию о керамическом производстве, которое было значимым компонентом экономики ранневизантийской Палестины, даёт обобщающее исследование М. Гишона. Обнаруженные исследователем изделия, характеризующиеся высоким качеством изготовления и специфическими декоративными приёмами, в целом отражают все характерные для ранневизантийского периода керамические единицы: глубокая чаша с

выступающим краем, византийская кастрюля, замазанные воротнички кувшинов, настоящая «позднеримская посуда» и т. д. Наличие таких изделий в слоях археологических памятников Палестины в больших количествах особо подчёркивает интеграцию региона в более широкие культурные сети [Gichon, 1958, p. 137]. По мысли Гишона, производство этих изделий, особенно распространённое в южных регионах Израиля, демонстрирует и способность местных ремесленников адаптироваться к эстетическим и функциональным требованиям времени, равно удовлетворяя элитные и повседневные потребности заказчиков.

Внимания заслуживает и исследование Дж. Табба, посвящённое типологии византийской керамики в Палестине. Исследуя находки из византийского колодца близ селения Телль-Фара, Табб обратил внимание на тот факт, что существенную массу таковых (около 50 % от общего количества) составляет довольно многочисленный для региона тип сосудов, названных впоследствии «амфорами Газы» [Tubb, 1986, p. 54]. Этот тип, идентифицированный по его отличительному декорированию и широко распространённый по всему Средиземноморью от северо-восточной Испании до Киликии, вероятно, использовался для транспортировки знаменитого белого вина Газы и маринованной рыбы, и этот факт подчёркивает значительную роль Палестины в торговых сетях позднеантичного периода. Наличие этих амфор в большом числе в южных и прибрежных поселениях, таких как Ашдод и Кесария Палестинская, подчёркивает экономическую жизнеспособность Газы как производственного и экспортного центра в V–VI вв. В то же время обнаруженные здесь мешковидные амфоры, хотя и более многочисленные по количеству черепков, были в целом менее многочисленными, что, вероятно, намекает на их использование для хранения продуктов на месте, а не для осуществления дальней торговли [Tubb, 1986, p. 60].

Данные разыскания были продолжены массой исследователей. Среди наиболее показательных в данном отношении исследований следует привести работу А. Аль-Шормана и А. Шияба, посвящённую византийской керамике из поселения Каср ар-Рабба на юге Иордании. Обращает на себя подробный анализ производственного процесса, в ходе которого были произведены данные тонкостенные пищевые сосуды: гончары тщательно выбирали известковую глину для горшков для приготовления пищи и обжигали их при более высоких температурах (вплоть до 850–1050 °C) для повышения их прочности при нагревании, в то время как другие сосуды, такие как кувшины, были изготовлены из известковой глины и обжигались при более низких температурах (750–850 °C) [Al-Shorman, Shiyab, 2015, p. 16]. Эта функциональная специализация, надо думать, предполагает сложное понимание свойств материалов и методов обжига, которые использовались во всей полноте для оптимизации характеристик сосудов. Химическая и минералогическая однородность производимых здесь масляных ламп и кувшинов указывает на локализованное производство с использованием легкодоступных материалов, тогда как разнообразие материалов для кухонных горшков указывает на эксперименты или на адаптацию нескольких производственных центров к конкретным функциональным требованиям. Исследование, в сущности, подчёркивает именно экономические последствия этих технологических выборов: создание высокопрочных сосудов для приготовления пищи, вероятно, отражает особенности их частного использования, в то время как стандартизация сосудов для хранения и подачи продуктов показывает широкие региональные тенденции в производстве керамики.

В совокупности результаты данных исследований демонстрируют степень развитости экономических сетей и технологических практик византийской Палестины. Значимость газских амфор в Тель-Фаре подчёркивает интеграцию южной Палестины в средиземноморскую торговлю, в то время как специализированное производство в Каср-ар-Рабба свидетельствует о региональной самодостаточности и технологическом процветании палестинского производства керамики, что согласуется с изысканиями М. Ави-Йоны.

Споры о климатических колебаниях в византийской Палестине приобрели новые измерения уже в начале XXI в. с развитием как археологии данного региона, так и инструментария палеоклиматологических исследований. Опубликованная в 2004 г. статья

Ицхара Хиршфельда «Климатические изменения в ранний византийский период? Некоторые археологические свидетельства» была призвана устранить разрыв между более ранними, относительно детерминистскими аргументами (например, моделью Хантингтона), и моделью Грегори, ставящей антропогенные факторы во главу угла. Синтезируя археологические данные с новыми палеоклиматическими достижениями, Хиршфельд представил детальное описание недолговременной, но значимой влажной фазы, имевшей место в Палестине в IV–VI вв. и послужившей, по мнению Хиршфельда, катализатором византийского поселенческого бума, особенно в пограничных зонах, таких как пустыня Негев.

Хиршфельд основывает свой аргумент на девяти ключевых археологических памятниках, каждый из которых свидетельствует об увеличении доступности воды в ранневизантийский период. Так, исследование римской бани в поселении Эн-Геди продемонстрировало, что отложения Мёртвого моря с 300 г. н. э. до начала XXI в., в толщину достигавшие до 1 м (на глубине около 390 м ниже уровня моря), предполагают повышение уровня Мёртвого моря на 9–10 м, что коррелирует с повышенным количеством осадков в его водосборном бассейне. Подобные седиментарные свидетельства были обнаружены также в т. н. висячей пещере Харитона [Hirschfeld, 2004, p. 134, 137], где функционирование обильного источника сочеталось с поддержанием повышенного уровня грунтовых вод, а также в цистернах сабейского пещерного монастыря (т. н. Спелеон) [Patrich, 1994, p. 133], который заслужил в различных источниках VI в. репутацию высокодоступного источника воды даже в условиях усилившейся засухи. Кроме того, в окрестностях Эн-Геди было обширно распространено террасное земледелие, питаемое расположенными на возвышенностях источниками, – и, как нетрудно догадаться, такая модель ирригации была основана на соображении о достаточно высоком количестве осадков в Иудейских горах [Hirschfeld, 2004, p. 134–135].

Целый ряд инженерных сооружений, возведённых или модифицированных в позднеантичный период, также свидетельствует об экстенсификации ряда наружных и подземных водных источников в кратковременный период увлажнения. Это, прежде всего, источник Эн Анева, способный снабжать террасы византийской эпохи и монастырские поля, гидротехнические сооружения Эммауса (канал акведука с весьма поднятыми в IV в. стенками, вероятно, изменёнными под влиянием долгосрочных климатических изменений) и Шуни (возведённый в самом начале IV в. полукруглый бассейн для сбора воды от близлежащих источников), а также система плотин Нахаль-Танниним – массивное инженерное сооружение IV в., созданное для «управления» избытком воды из источников горы Кармель, которые, в свою очередь, снабжали водой Кесарию Палестинскую и Дор [Hirschfeld, 2004, p. 137, 141–142].

Вместе с тем важно отметить, что повышение влажности в регионе не привело к значительным миграциям населения, направленным вовне его. Кейс поселения Мезад-Аругот, в котором на заре позднеантичной эпохи действовало парфюмерное производство, зависящее от выращивания бальзама, особо явно подчёркивает экономическую жизнеспособность оазиса в условиях тренда, связанного с повышением влажности в долгосрочной перспективе [Hirschfeld, 2004, p. 137].

В целом данные памятники тесно связаны с ландшафтом, где рост количества осадков способствовал процветанию сельских и городских поселений. Однако И. Хиршфельд постарался избежать климатического детерминизма. Он подчёркивал, что организационный потенциал Восточной Римской империи, представленный гидротехническим строительством, а также попыткой осуществить правовое регулирование вопроса (законы *agri deserti*, направленные на поощрение возделывания маргинальных земель, реформы Диоклетиана), был необходим для освоения этого климатического «окна возможностей». Например, лёссовые почвы пустыни Негев, ранее маргинальные, стали весьма продуктивными при спонсируемом государством орошении; в частности, их освоение позволило поддерживать функционирование таких деревень, как Шивта и Саадон.

Сопоставив археологическую стратиграфию с палеоклиматическими данными (например, исследованиями уровня Мертвого моря и фиксациями спелеотемов (пещерных отложений) из

пещеры Сорек), Хиршфельд пришёл к выводу, что улучшение климата в ранневизантийской Палестине имело место, но было связано и с адаптацией местного населения. Упадок Византии в VII в., отмеченный наступлением песчаных дюн и оставлением ряда поселений, совпадает с возвращением к засушливости, однако историк отмечает, что более поздние влажные фазы (например, в периоды господства мамлюков и османов) не смогли стимулировать сопоставимое процветание из-за отсутствия возможностей государственного стимулирования и воли к освоению данных земель [Hirschfeld, 2004, p. 144]. В то же время этот упадок не был равномерным, и отдельные общины в пустыне Негев, например, сохранялись до раннего исламского периода, приспосабливаясь к новой политической реальности и меняющимся экологическим условиям.

Такие изменения в климатической ситуации византийской Палестины, имевшие место на протяжении IV–VI вв., демонстрируют определённое взаимовлияние между климатическими процессами и хозяйственной деятельностью человека. Период увеличения количества осадков и последовавшего за ним повышения уровня грунтовых вод создал возможности для сельскохозяйственной и экономической экспансии во всех частях Палестины, включая маргинальные пустынные зоны. Однако реализация предоставившихся возможностей зависела от эффективности сложной инфраструктуры Византийской империи, администрирования расположенных здесь провинций, а также определённых правовых стимулов, которые могли «конвертировать» климатические изменения в устойчивое развитие региона. Поскольку климат впоследствии вновь стал более аридным, устойчивость поселений именно в данный период как бы получила «проверку на прочность». Модели ранневизантийских поселений в Палестине отражают «ответ» на новые условия как природного, так и политического характера. В сущности, поселенческая экспансия в ранее засушливые регионы, распространение террасного земледелия, а также создание общин (в т. ч. монашеских) в ранее необитаемых районах указывают на сельскохозяйственную модель, которая позволяла максимально эффективно использовать ограниченные ресурсы, хотя и не имела равной результативности в различающихся регионах.

Ранее Хиршфельд пытался расширить свою модель дополнительными археологическими свидетельствами из разных частей региона, ставшими предметом масштабной монографии «Фермы и деревни в византийской Палестине». В частности, археолог обратил внимание на ключевые паттерны структуры расселения в регионе. Среди них можно выделить следующие:

- сочетание разнообразных по масштабу видов поселений (крупные селения, мелкие деревни и отдельные фермерские хозяйства);
- «интровертный» характер классической формы поселения, выражающийся в крайне плотной застройке жилищами и общественными структурами (в т. ч. постройками религиозного характера);
- наследование классической системы селитебной иерархии в данных сельских комплексах (в центре располагались общественные постройки и дома крупных землевладельцев или ремесленников, на периферии – хозяйства мелких фермеров);
- самостоятельное участие жителей поселений в организации общественной инфраструктуры (бани, мощёные улицы, гидротехническая инфраструктура и т. д.);
- иррегулярная планировочная структура с узкими и извилистыми улицами;
- отсутствие укреплений и, как следствие, ориентация на максимальную хозяйственную эффективность инфраструктуры, а также на органическое развитие поселения;
- жёсткая адаптация особенностей и формы поселения и отдельных построек к местным топографическим и климатическим условиям (сложная ориентация домов для достижения максимальной инсоляции и защиты от холодных ветров и т. д.) [Hirschfeld, 1997, p. 41, 44, 67–68].

Экономическая основа данных поселений, как заметил Хиршфельд, была преимущественно аграрной. Её жители занимались выращиванием оливок и виноградарством,

а также выращиванием зерновых; скотоводство и ремесленное производство лишь дополняли эти занятия, хотя широкое распространение не только прессов для вина и масла, но и таких объектов, как гончарные печи и печи для обжига металла, свидетельствует об интеграции сельского хозяйства и местного ремесла.

Рассматривая данный вопрос, исследователь предложил сосредоточиться не столько на глобальном, сколько на кластерном анализе региона. В качестве образца он предложил подробно проанализировать «производственную зону» близ Аскалона (Ашкелона), где крупные землевладельцы извлекали выгоду из торговых сетей для производства и реэкспорта таких дорогостоящих продуктов, как вино и оливковое масло. Это, надо заметить, согласуется с нижеприведённым аргументом Д. Бара о том, что экономическое процветание коренится в развитии торговли и инфраструктуры в большей степени, нежели в религиозных факторах.

Однако центральным моментом исследования Хиршфельда являлась проблема экспансии в пограничные регионы и, прежде всего, в пустыню Негев. Он отметил создание разномасштабных сельскохозяйственных комплексов (таких как Обода и Реховот) в районах, которые ранее считались непригодными для проживания, и, как нетрудно догадаться, этот процесс коррелирует с влажной фазой, выявленной в более ранних климатических исследованиях. Хиршфельд, однако же, подчёркивает, что именно организационные возможности восточно-римской администрации позволили активизировать развитие сельского хозяйства в регионе [Hirschfeld, 2004, p. 70]. Это подкрепляет более ранние аргументы историка в том, что «окно возможностей», связанное с улучшением климатической обстановки, стало достойным подспорьем для развития экономики Палестины только благодаря определённой технологической изобретательности и институциональной поддержке.

Фактически именно работы И. Хиршфельда заложили принятый в современных исследованиях по истории Византийской Палестины комплексный подход к исследованию данного региона, поскольку именно он показал, что местные поселенческие комплексы стали продуктом сложного, динамического и разнонаправленного взаимодействия факторов окружающей среды, внутри- и внешнеполитической жизни и развитием местных структур самоуправления и хозяйственной самоорганизации, хотя именно последние два фактора стали в большей степени результатом, чем основой для такого развития.

Дискуссия о климатических изменениях в древней Палестине существенно обогатилась статьёй Дорона Бара «Население, поселения и экономика в позднеримской и византийской Палестине (70–641 гг.)», поскольку этот израильский исследователь попытался вновь обратиться к комплексному анализу с акцентом на социально-экономические и политические факторы, определяющие модели палестинских поселений в позднеримский и византийский периоды.

Бар начинает с критики традиционного нарратива, воплощённого в традиционной историографии, в частности М. Ави-Йоной, который приписывал процветание Палестины в византийскую эпоху её новообретённому статусу Святой Земли. По мнению Ави-Йоны, приток паломников, многочисленные императорские пожертвования христианским общинам и строительство ряда церквей стимулировали местный экономический рост и демографическую экспансию. Бар выразил мнение, что такая точка зрения переоценивает религиозные факторы, пренебрегая вместе с тем паттернами, которые имели место на протяжении 2-й пол. I – начала IV вв. Обратив внимание на целый ряд поселений региона, он высказал мнение, что демографический рост и следовавшее за ним расширение поселений в Палестине началось задолго до распространения христианства в масштабах не только всей империи, но и самой Палестины. Например, исследования в таких регионах, как Голанские высоты, Галилея и палестинская Прибрежная равнина, согласно его суждению, свидетельствуют об увеличении количества поселений в позднеримский период; более того, по его мнению, некоторые из них достигли пика плотности населения ещё до IV века [Bar, 2004, p. 307].

Главный аргумент Бара состоял в том, что палестинский «демографический бум» не был для византийского периода уникальным, являясь частью гораздо более длительной тенденции, уходящей корнями в *Pax Romana*. Политическая стабильность Римской империи, торговые

сети и инвестиции в инфраструктуру создали благоприятные условия для экономического роста во всех её провинциях, включая Палестину [Bar, 2004, p. 312]. Об этом, по мнению историка, свидетельствует расширение сельского хозяйства на ранее маргинальных землях; в числе подобных практик можно назвать, например, осушение болот Изреельской долины и террасирование горных регионов. Такое явление было обусловлено демографическим давлением и инициативами мелких землевладельцев, а не имперскими директивами или религиозными процессами.

Д. Бар также провёл параллели с другими римскими регионами, такими как Северная Африка и Сирия, где аналогичные модели поселений возникли вне влияния христианского паломничества и, как следствие, возможного перетока населения; к такому примеру, в частности, относятся т. н. «мёртвые деревни» Северной Сирии. Исследователь показал, что христианизация Палестины была хронологически вторичным по отношению к демографическому росту процессом. Если городские центры быстро приняли христианство, то сельские районы, где проживало большинство населения, оставались преимущественно иудейскими, самаритянскими или языческими вплоть до VI в. Рост числа сельских церквей, часто приводимый в качестве доказательства христианского влияния, произошёл, по мнению Бара, в основном во второй половине ранневизантийского периода (VI – 1-я пол. VII вв.) и был скорее следствием экономического процветания, чем его причиной. Более того, анализ мемориальных объектов церквей, проведённый историком, показал, что церкви, связанные с сакральными для христианства местами, занимали всего 10 % от общего числа, причём большинство из них были общинными церквями, построенными местным населением. Аналогичным образом местные монастыри часто были самодостаточными единицами, адаптировавшимися к существующим моделям сельских поселений, но не имевшими возможности управлять таковыми [Bar, 2004, p. 316].

По мнению историка Я. Дана, внешняя торговля Палестины в византийский период была достаточно динамичной, что особенно видно через исследование паттернов размещения основных экономических и торговых комплексов в данный период. Так, Газа и Кесария стали ключевыми центрами для экспорта таких товаров, как вино, оливковое масло и текстиль, и, как уже упоминалось, газское вино, перевозимое в амфорах, находило себе потребителей даже в Европе (ряд амфор был обнаружен в Галлии) и в Северной Африке, в то время как Кесария Палестинская служила важным связующим звеном на морских торговых путях Восточного Средиземноморья (и, надо заметить, этот тезис стал решающим для развития археологии Палестины в приморских регионах: в течение XIX–XX вв. точка зрения, согласно которой побережье этого региона не было приспособлено для морской торговли, была доминирующей [Kingsley, 2001, p. 51–52]). Экономическая жизнеспособность этих городов поддерживалась имперской политикой и инвестициями в инфраструктуру, которые способствовали высокой мобильности товаров и капитала. Однако это процветание зависело не только от внешней торговли, оно также было обусловлено местным сельскохозяйственным и промышленным производством, которое процветало в условиях стабильности, обеспечиваемой византийской администрацией. Кроме того, технологическая сложность, наблюдаемая в изысканных византийских изделиях, такая как использование определенных видов глины и методов обжига для различных типов сосудов, указывает на специализированную отрасль, способную реагировать на требования рынка. Эта специализация, вероятно, способствовала экономической устойчивости региона несмотря на то, что климатические колебания создавали проблемы для производительности сельского хозяйства. Упадок некоторых поселений в VII в., совпавший с арабским завоеванием, может быть, таким образом, отнесён не только к политическим потрясениям, но и к сбоям в торговых сетях и прекращению имперской поддержки, которая ранее поддерживала экономическую деятельность [Dan, 1982, p. 21].

В связи с новейшими открытиями, касающимися технологических новаций в производстве вина и масла в ранневизантийской Палестине, в научной среде развернулась значительная дискуссия, посвящённая данному вопросу. Её наиболее ярким выражением стала

дискуссия между историками Ицхаком Магеном и Итамаром Такселем. В работе, опубликованной в 2008 г., Маген попытался доказать тезис об архаичности сельскохозяйственных обрабатывающих технологий в ранневизантийской Палестине. По мнению этого исследователя, лишь в поздний период правления Омейядов в Палестине появились и широко распространились новые технологии отжима масла, которыекратно увеличили объёмы производимого продукта, а также существенно расширились насаждения оливковых деревьев и сельскохозяйственные угодья в целом, и, таким образом, вплоть до установления власти Аббасидов Палестина, находившаяся под исламским правлением, достигла экономического процветания. В то же время в ранневизантийскую эпоху ограниченность производственных возможностей монастырских комплексов, а также ряд внутривосточных причин, по мнению Магена, стали преградой для развития сельского хозяйства [Magen, 2008].

Противовесом мнению Магена стала статья И. Такселя, содержащая подробную критику аргументов первого относительно хронологии и специфики технологических разработок в производстве оливкового масла в Палестине. Таксель, в частности, не счёл возможным согласиться с тем, что значительные достижения в технологии отжима масла, такие как рычажный и винтовой пресс, а также прямой винтовой пресс с канавками на каменных опорах были внедрены лишь в раннеисламский период.

Вместо этого археолог предложил целый ряд археологических свидетельств, демонстрирующих, что эти новшества уже использовались в византийский период, тогда как в первый период после арабского завоевания их использование было лишь продолжено. В частности, Таксель систематически изучил многочисленные места раскопок; например, в поселениях Хорват-Каркара и Кирьят-Ата рычажные и винтовые прессы были найдены вместе с керамикой VI–VII вв., что противоречит позиции Магена, а маслопрессы в Кафр-Самире, Хирбет-Махалхале и Хорват-Зихрине были твёрдо датированы византийским периодом на основе стратиграфического анализа, причём некоторые из них, как было установлено, использовались и в ранний исламский период. Ключевым же моментом разногласий стал аргумент, что византийские монастыри не имели производственных возможностей для крупномасштабной выработки масла из-за ограниченности рабочей силы, а также что вблизи религиозных построек маслопрессы не могли работать из-за экологических опасностей. Таксель опровергает это, приводя примеры монастырей и церквей с маслопрессами, такие как Хорват-Тиншеммет и Хирбет-Фаттир, причём археологические свидетельства, по его заключению, прямо подтвердили одновременное функционирование маслодавилен и прессов для винограда, с одной стороны, и религиозных памятников с другой, что явно подрывает экологический аргумент Магена [Taxel, 2013, p. 383].

Далее исследователь подверг критике приписывание Магеном технологических достижений халифу Омейядов Муавии, утверждая, что технология винтового пресса уже была широко распространена в таких соседних регионах, как Сирия и Кипр, к V–VI вв., приводя ряд исследований, которые связали принятие этих технологий с демографическим ростом и экономическими потребностями в византийском Леванте, а не с более поздними нововведениями исламской эпохи. Таксель признает, что производство оливкового масла могло увеличиться в ранний исламский период, но приписывает это экономическим сдвигам, таким как упадок виноделия, а не внедрению новых технологий. Данные разыскания позволили И. Такселю сделать вывод о безоговорочно непрерывном производстве оливкового масла в Палестине с ранневизантийского до раннеисламского периода, которое в большой степени зависело от технологических инноваций и местной экономической устойчивости, нежели от политических пертурбаций [Taxel, 2013, p. 387–388].

Заключение

Таким образом, экономика Византийской Палестины представляет собой свидетельство приспособляемости и изобретательности ее обществ в меняющемся климатическом и политическом ландшафте. Можно уверенно говорить о том, что процветание региона в IV–VII вв.

стало не просто продуктом благоприятной окружающей среды или религиозной трансформации, но и результатом успешного и стабильного функционирования торговых сетей, поддерживаемой государством инфраструктуры, а также внедрения локальных сельскохозяйственных инноваций. Исследования гончарного дела, производства оливкового масла и развития селитебных моделей ранневизантийской Палестины показывают успешную модель экономического процветания, которое, однако, оказалось по ряду причин достаточно хрупким. Также важно отметить, что археологические свидетельства не подтверждают представление о VI в. как периоде относительного упадка для всего Восточного Средиземноморья, вызванного эпидемией чумы, ухудшением климата и фатальными этническими и демографическими процессами [Decker, 2007, p. 237]. Прекращение финансовой поддержки со стороны империи, возврат климата к засушливой фазе и сбой в экономическом обмене, вызванные арабскими завоеваниями, ускорили упадок хозяйственного развития региона.

Список литературы

- Al-Shorman A., Shiyab A. The Effect of Function on the Selection of Raw Materials and Manufacturing Technology of Byzantine Pottery: A Case Study from Qasr Ar-Rabbah, South Jordan. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 147(1): 4–19.
- Avi-Yonah M. 1958. The Economics of Byzantine Palestine. In: *Israel Exploration Journal*, 8(1): 39–51.
- Bar D. 2004 In: Population, Settlement and Economy in Late Roman and Byzantine Palestine (70–641 AD). In: *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 67: 307–320.
- Blanckenhorn M.L.P. 1912. Naturwissenschaftliche Studien am Toten Meer und im Jordental Bericht über eine im Jahre 1908. Berlin, Verlag von R. Friedländer & Sohn, 478.
- Crown A.D. 1972. Toward a Reconstruction of the Climate of Palestine 8000 B.C. – 0 B.C. In: *Journal of Near Eastern Studies*, 31(4): 312–330.
- Dan Y. 1982. The Foreign Trade of Palestine in the Byzantine Period. In: *Cathedra: For the History of Eretz Israel and Its Yishuv*, 23: 17–24.
- Decker M. 2007. Frontier Settlement and Economy in the Byzantine East. In: *Dumbarton Oaks Papers*, 61: 217–267.
- El-Khoury L. 2007. Roman and Byzantine Settlements in the Region of West Irbid. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 139(3): 166–185.
- Gichon M. 1974. Fine Byzantine Wares from the South of Israel. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 106(2): 119–139.
- Gregory J.W. 1930. Palestine and the Stability of Climate in Historic Times. In: *The Geographical Journal*, 76(6): 487–494.
- Hirschfeld Y. 1997. Farms and Villages in Byzantine Palestine. In: *Dumbarton Oaks Papers*, 51: 33–71.
- Hirschfeld Y. 2004. A Climatic Change in the Early Byzantine Period? Some Archaeological Evidence. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 136(2): 133–149.
- Huntington E. 1908. The Climate of Ancient Palestine. Part I. In: *Bulletin of the American Geographical Society*, 40(9): 513–522.
- Huntington E. 1908. The Climate of Ancient Palestine. Part II. In: *Bulletin of the American Geographical Society*, 40(10): 577–586.
- Huntington E. 1908. The Climate of Ancient Palestine. Part III (Conclusion). In: *Bulletin of the American Geographical Society*, 40(11): 641–652.
- Kennedy H. 2008. Syria, Palestine and Mesopotamia. In: *The Cambridge Ancient History. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge, Cambridge University Press: 588–611.
- Kingsley S. 2001. The Economic Impact of the Palestinian Wine Trade in Late Antiquity. In: *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a conference at Somerville College, Oxford – 29th May, 1999*. Oxford, Oxbow Books: 44–68.
- Magen Y. 2008. Oil Production in the Land of Israel in the Early Islamic Period. In: *Judea and Samaria: Researches and Discoveries [Judea and Samaria Publications (Series), 6]*. Jerusalem, Israel Antiquities Authority: 257–343.
- Magness J. 1993. Jerusalem Ceramic Chronology (circa 200–800 CE). Sheffield, Sheffield Academic Press, 277.
- Patrich J. 1994. Map of Deir Mar Saba (109/7). Jerusalem, Department of Antiquities and Museums, 295.

- Saidel B.A. 2005. Four Days at Khalasa: Using Aerial Photography and GIS Analysis to Reappraise Woolley and Lawrence's Survey of Byzantine Elusa in the Western Negev Desert. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 137: 53–64.
- Salem H. 2011. Khirbet Siya: A Byzantine Settlement in Ramallah Region – Palestine. In: *Liber Annuus*, 61: 575–619.
- Taxel I. 2013. The Olive Oil Economy of Byzantine and Early Islamic Palestine: Some Critical Notes. in: *Liber Annuus*, 63: 361–394.
- Tubb J.N. 1986. The Pottery from a Byzantine Well near Tell Fara. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 118(1): 51–65.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.04.2025

Received 30.04.2025

Поступила после рецензирования 25.07.2025

Revised 25.07.2025

Принята к публикации 27.07.2025

Accepted 27.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мишнев Сергей Николаевич, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Sergey N. Mishnev, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

[ORCID:0009-0005-5186-0339](https://orcid.org/0009-0005-5186-0339)